Организация Объединенных Наций S/PV.4973

Совет Безопасности

Пятьдесят девятый год

Предварительный отчет

4973-е заседание

Четверг, 20 мая 2004 года, 10 ч. 00 м.
Нью-Йорк

Председатель:	г-н Акрам	(Пакистан)
Члены:	Алжир	г-н Бенмехиди
	Ангола	г-н Гашпар Мартинш
	Бенин	г-н Адеши
	Бразилия	г-н Сарденберг
	Чили	г-н Муньос
	Китай	г-н Чэн Цзине
	Франция	г-жа д'Ашон
	Германия	г-н Плойгер
	Филиппины	г-н Меркадо
	Румыния	г-н Моток
	Российская Федерация	г-н Карев
	Испания	г-н Яньес Барнуэво
	Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	г-н Лейк
	Соединенные Штаты Америки	г-н Холлидей

Повестка дня

Брифинг, проводимый Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по делам беженцев

04-35741 (R)
0435741

Заседание открывается в 10 ч. 20 м.

Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

Брифинг, проводимый Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по делам беженцев

Председатель (*говорит по-английски*): В соответствии с договоренностью, достигнутой в ходе состоявшихся ранее в Совете консультаций, и в случае отсутствия возражений, я буду считать, что Совет согласен пригласить для участия в заседании согласно правилу 39 временных правил процедуры Совета г-на Рууда Любберса, Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

Поскольку возражений нет, решение принимается.

Я приглашаю г-на Рууда Любберса занять место за столом Совета.

Совет Безопасности приступает к рассмотрению пункта своей повестки дня. Заседание Совета Безопасности проводится в соответствии с договоренностью, достигнутой в ходе ранее состоявшихся в Совете консультаций.

На этом заседании члены Совета Безопасности заслушают брифинг г-на Рууда Любберса, Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

Я предоставляю ему слово.

Г-н Лубберс (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, разрешите мне поблагодарить Вас за предоставленную мне возможность выступить с сообщением перед Советом Безопасности. Прошло более двух лет, как я в последний раз выступал перед Советом. Пользуясь возможностью проинформировать Совет о ряде гуманитарных кризисов, я также затрону две основные темы. Во-первых, я хочу подчеркнуть связь между насильственным перемещением и международным миром и безопасностью. Во-вторых, я коснусь вопроса устойчивого возвращения перемещенного населения и положительное воздействие этого процесса на достижение прочного мира и стабильности.

Разрешите мне вначале сосредоточить внимание на перемещении и его последствиях для мира и безопасности. Там, где имеет место перемещение, присутствует процесс движения через границы. Поэтому, уже по определению, в конфликты, порождающие потоки беженцев, обязательно оказываются вовлечены соседние государства, и, таким образом, они влияют на ситуацию безопасности в регионе. Как мы отчетливо видели в районе Великих озер в 90-х годах и совсем недавно в Западной Африке, линии конфликтов часто проходят через границы государств в силу различных этнических и культурных связей между группами населения, вовлеченными в конфликт.

Это также приводит к «смешанному» перемещению, в котором участвуют не только беженцы, но и вооруженные элементы, ищущие прибежища в соседних странах. Присутствие последних в лагерях и поселениях беженцев имеет пагубные последствия для безопасности и благополучия беженцев, такие как возможные военные вторжения, насильственная вербовка и сексуальные домогательства. Все эти факторы создают нестабильную и небезопасную обстановку для деятельности сотрудников гуманитарных организаций. Кроме того, присутствие вооруженных элементов порождает проблемы в плане безопасности для населения и властей принимающих беженцев государств и оказывает влияние на мир и безопасность во всем регионе.

Я отчетливо помню мой первый визит в Западную Африку в феврале 2001 года, вскоре после моего назначения на пост Верховного комиссара. В это время имели место вторжения из Сьерра-Леоне со стороны Объединенного революционного фронта (ОРФ) в районы Гвинеи, населенные беженцами, а вооруженные повстанцы из Либерии перемещались из одного лагеря беженцев в другой, причем в некоторые из них мы не имели доступа. В ходе нашего визита я обратился к ОРФ и к Чарльзу Тейлору с просьбой предоставить нам доступ в лагеря, а также обеспечить безопасное перемещение беженцев. Несмотря на предпринятые впоследствии усилия по стабилизации положения в регионе, трансграничное передвижение вооруженных элементов в Западной Африке, где расположено большое количество лагерей беженцев, не прекращается. Район реки Мано, где имеют место трансграничные перемещения вооруженных элементов и оружия, сейчас расширился и включает Кот-д'Ивуар.

Меня сильно беспокоят недавние события в некоторых районах Судана и их воздействие на Чад. Положительное развитие мирных переговоров в южном Судане породило надежды на возвращение 600 000 суданских беженцев, находящихся в настоящее время в изгнании в соседних странах. Однако ситуация в Дарфуре сильно подрывает эти достижения. Представители Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) приняли участие в поездке миссии Организации Объединенных Наций высокого уровня в Дарфур, которая возглавлялась моим коллегой Джимом Моррисом из Мировой продовольственной программы. Как стало известно членам Совета из его брифинга, по крайней мере миллион человек были перемещены в результате актов насилия и пострадали от грубых нарушений прав человека.

В настоящее время мое Управление совместно со своими партнерами работает над оказанием помощи пострадавшему населению в Дарфуре, и мы постараемся создать условия для возвращения перемещенных лиц, но для этого нам нужно иметь доступ в лагеря. Если ситуация не улучшится, мы не сможем остановить приток беженцев в Чад. Очень скоро ресурсы помощи, мобилизованной международным сообществом доноров, могут оказаться исчерпанными, и существует реальная угроза дестабилизации в регионе.

По обеим сторонам границы сложилась острейшая гуманитарная ситуация. В марте этого года я посетил Чад. С тех пор я получил многочисленные сводки относительно присутствия вооруженных элементов в приграничных районах внутри Чада. Есть веские доказательства того, что в этих местах действуют и формирование Джанджавид и различные группы, связанные с суданскими повстанцами. Ввиду обострения ситуации в плане безопасности в пограничных районах, где находятся десятки тысяч беженцев, не имеющих реального доступа к гуманитарной помощи, мое Управление неустанно работает над передислокацией этого населения вглубь Чада, в более безопасные районы. Несмотря на сильные ограничения в плане материального обеспечения, более 60 000 беженцев уже переселены. Хотя, конечно, нет абсолютной гарантии того, что вооруженные элементы не доберутся до новых мест расположения лагерей, и возможно, что даже находясь в удалении, они могут служить боевикам местом передышки, расстояние делает лагеря менее уязвимыми для проведения трансграничных военных операций. Несмотря на чудовищную ситуацию в Чаде, я должен с прискорбием сообщить, к сожалению, что, в каком-то отношении, Чад является на сегодня самым безопасным местом для жителей Дарфура.

Возвращаясь к теме безопасности беженцев необходимо отметить, что, хотя правительства принимающих стран несут главную ответственность за обеспечение безопасности мест, заселенных беженцами, на международное сообщество возлагается задача оказания помощи тем государством, у которых нет собственных потенциалов и ресурсов для выполнения этой задачи. Организация Объединенных Наций может помочь в обеспечении выполнения принимающими странами их обязательств, и я призываю Совет Безопасности поступить таким образом в отношении Чада.

Это подводит меня к теме поддержания мира. Во многих странах, где работает УВКБ, возвращение и благополучие беженцев и перемещенных лиц напрямую зависят от деятельности по поддержанию мира. В этот понедельник в Совете состоялись открытые прения по операциям Организации Объединенных Наций по поддержанию мира. Генеральный секретарь говорил о необходимости включения различных элементов — в том числе таких, как реализация мирных соглашений, осуществление политических преобразований, возвращение беженцев и внутренне перемещенных лиц, осуществление программ по правам человека и программ разоружения, демобилизации и реинтеграции — в мандаты миссий. Я полностью поддерживаю его заявление. Идея многоаспектных операций по поддержанию мира оправдала себя в Афганистане и Сьерра-Леоне, и я рад видеть, что она осуществляется и в Либерии, несмотря на громадные проблемы, стоящие перед миссией в этой стране.

Здесь я бы хотел обратиться с призывом, учитывая характер сегодняшних конфликтов, больше внимания уделять выработке формулы деятельности миссий по поддержанию мира в трансграничных конфликтных ситуациях, там, где это необходимо и где это санкционировано правительством страны, вовлеченной в конфликт. Хотя очень часто конфликты носят региональный характер, ответные действия по-прежнему сосредоточены на какой-то конкретной стране. Примером этого является Чад. Воз

можно, мы добились здесь определенного прорыва в Западной Африке в том, что касается сотрудничества между различными миссиями Организации Объединенных Наций в регионе по ряду трансграничных вопросов. Теперь это можно превратить в более широкую стратегию на будущее.

В докладе Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира (S/2000/809), руководителем которой является г-н Брахими, говорится, что миротворцы и миростроители — это неразлучные партнеры. Я полностью согласен с этим утверждением. Заместитель Генерального секретаря по вопросам операций по поддержанию мира Жан-Мари Геэнно и я лично осуществляем меры, призванные помогать нам оказывать друг другу большую поддержку в общем стремлении помочь странам, раздираемым конфликтами, в создании условий для устойчивого мира. Я во многом согласен с его заявлением в прошлый понедельник (см. S/PV.4970) о том, что для операций по поддержанию мира необходимо привлекать ресурсы и знания всей системы Организации Объединенных Наций.

Благодаря Совету Безопасности, в целый ряд последних мандатов миротворческих миссий были включены важные формулировки, в которых признается важность привлечения миротворцев к контролю за физической безопасностью перемещенных лиц и возвращающихся беженцев. В связи с политическими волнениями в Кот-д'Ивуаре с сентября 2002 года, я глубоко обеспокоен судьбой либерийских беженцев, которые оказались застигнутыми конфликтом в этой стране. Поэтому я особенно рад тому, что Совет Безопасности поручил Миссии Организации Объединенных Наций в Кот-д'Ивуаре осуществлять контроль за положением либерийских беженцев и помочь в обеспечении их безопасности. Я полагаю, что Совет предусмотрит аналогичную роль по контролю за условиями возвращения для предполагаемых миссий Организации Объединенных Наций в Бурунди, Судане или в других странах, если он сочтет это целесообразным.

Я хотел бы также сообщить Совету о том, что мое Управление приступило к оказанию помощи различным усилиям Организации Объединенных Наций в области разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДР). Мы понимаем, что ни у одного органа Организации Объединенных Наций нет конкретного «мандата» в отношении комбатантов, и, тем не менее, интересам всех отвечало бы объединение усилий для обеспечения успеха РДР. Во многих случаях существует связь между комбатантами и членами семей, которые находятся в наших лагерях для беженцев. Поэтому мое Управление может поддержать усилия по РДР путем обеспечения защиты семей комбатантов, увязывая наши действия с действиями других учреждений, таких как Международный комитет Красного Креста (МККК) и Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), в области воссоединения семей и в приобщении демобилизованных комбатантов к программам реинтеграции на общинном уровне. Так, например, мое Управление поддерживает Миссию Организации Объединенных Наций по наблюдению в Демократической Республике Конго (МОННДРК) в осуществлении мер по РДР в Демократической Республике Конго путем обеспечения безопасной репатриации членов семей комбатантов и осуществления мониторинга за их возвращением и реинтеграцией.

Что касается Западной Африки, то я выступаю за региональный подход к РДР в сотрудничестве с миссиями Организации Объединенных Наций в регионе, с государствами, входящими в Союз стран бассейна реки Мано, — плюс в настоящее время Кот-д'Ивуар — и с Экономическим сообществом западноафриканских государств (ЭКОВАС). Конференция глав государств Союза стран бассейна реки Мано, которая должна состояться сегодня, даст хорошую возможность обсудить этот вопрос.

Я только что вернулся из поездки в этот регион, где я с радостью наблюдал усилия моего Управления в Либерии в поддержку осуществления там мер по РДР. Мы работаем в этом вопросе как часть «коалиции», включающей Программу развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и ЮНИСЕФ под эгидой Миссии Организации Объединенных Наций в Либерии (МООНЛ). Однако меня встревожили поступившие во вторник сообщения о волнениях в Монровии в связи с процессом РДР. В прошлом году я призвал Чарльза Тейлора покинуть свой пост и активно выступил за создание международных миротворческих сил для заполнения вакуума в области безопасности. С тех пор мы добились большого прогресса, но разоружение и демобилизация по-прежнему являются проблемой, и они могут быть успешными только при условии предоставления с самого начала необходимых ре

сурсов для проведения реинтеграции. Это — единственный метод обеспечения недопущения возобновления конфликта в регионе.

Путем включения в работу моего Управления таких концепций, как РДР, как я только что пояснил, мы можем создавать условия, необходимые для возвращения перемещенного населения, при этом внося также крупный вклад в укрепление доверия, стабилизацию и создание мирного климата.

Еще одним начинанием в контексте нашего сотрудничества с миссиями Организации Объединенных Наций и в поддержку более широкого политического процесса, о котором следовало бы сейчас упомянуть, является инициатива по Западной Сахаре. Как известно членам Совета, мы подготовили пакет мер по укреплению доверия, который помог разрядить напряженность в этом районе. Последним достижением в этой области стал обмен визитами членов семей. Свыше 400 человек получили возможность посетить своих давно потерянных родственников, и тысячи еще ожидают такой возможности. Эта операция была бы невозможной без превосходного сотрудничества всех сторон, особенно Миссии Организации Объединенных Наций по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС). Я надеюсь, что тем самым нам удастся постепенно заложить основу для политических переговоров с целью окончательного урегулирования этого давнего спора.

Теперь позвольте мне перейти ко второй теме, на которой я хотел бы остановиться: это возвращение и его последствия для мира и безопасности. Нами уже установлено, что перемещение потоков населения через границы имеет прямые последствия для мира и безопасности. Но какими будут последствия для мира и безопасности, если люди не смогут вернуться в свои дома или если они вернутся, а разрушенное государство не сможет их принять? По сути дела, ныне бытующее определение постконфликтной ситуации во многих отношениях вводит в заблуждение. Для стран, в которых внутренние вооруженные конфликты завершились, часто характерны такие явления, как глубокий социальный раскол, хроническая политическая нестабильность, разрушенная инфраструктура, высокий уровень безработицы и надлом. В результате они опасно балансируют между перспективой сохранения мира и угрозой возобновления войны.

Опыт УВКБ показывает, что чем дольше беженцы и внутренне перемещенные лица вынуждены оставаться вдали от своих домов, тем больше они ожесточаются. В большинстве случаев там, где имеют место перемещения беженцев, такие перемещения являются либо насильственными, либо отчасти принудительными. И даже если перемещение не было первоначальной целью конфликта, порой оно становится определяющим фактором и в дальнейшем еще больше усугубляет конфликт. С течением времени лагеря и поселения, где беженцы находят временное прибежище, могут стать очагами отчаяния, и сами беженцы становятся все более уязвимыми перед лицом политических и военных манипуляций. В таких случаях затянувшееся перемещение может само стать препятствием на пути к миру и достижению окончательного урегулирования конфликта. Несмотря на это, в ходе политических переговоров часто не учитываются тяготы людей, которые были вынуждены покинуть свои дома, что, в свою очередь, затрудняет достижение успеха в рамках мирного процесса.

Критическим фактором является определение условий для безопасного и устойчивого возвращения беженцев в свои дома. Миротворчество само по себе не может обеспечить устойчивого мира; оно может лишь создать пространство, на котором можно строить мир. Существует переход от войны к миру, но существует и переход от разрушения государственных институтов к правопорядку. Мы часто говорим о различиях между внутренне перемещенными лицами и беженцами, которые пересекли межгосударственную границу, но речь идет не о границе как таковой. По сути дела, определяющей характеристикой и тех, и других является отсутствие их защиты со стороны государства в силу либо неспособности, либо нежелания государства сделать это. Поэтому в период перехода от войны к миру очень важно обеспечить такое положение, при котором защита и права всех групп населения в пределах государства, включая тех, кто бежал от насилия, гарантируются на основании мирного соглашения. Это также крайне важно для примирения.

Хотя мой мандат относится к беженцам, я также стал известен, как «Верховный комиссар по делам лиц, возвращающихся на родину». С того момента, как я был назначен Верховным комиссаром в январе 2001 года, я настойчиво изыскивал прочные решения проблем беженцев. Проблема за

ключается в том, что в условиях постконфликтных ситуаций возвращение большого числа беженцев и лиц, перемещенных внутри страны, требует сбалансированного и комплексного подхода, чтобы придать возвращению долговременный характер и сделать его составной частью устойчивого процесса миростроительства. Нельзя ожидать, что опустошенные войной общины, которые часто страдают в такой же, если не в большей, степени, как и беженцы, абсорбируют значительное число лиц, возвращающихся на родину, если немедленно не укрепить их потенциал в сфере удовлетворения самых насущных потребностей. Это критический период, когда международным специализированным учреждениям в области развития следует осуществлять инвестиции в программы восстановления и реинтеграции. Речь идет не только о репатриации. В районах возвращения для местных общин, а также для возвращающихся беженцев и для лиц, перемещенных внутри страны, следует осуществлять проекты по интеграции и реабилитации.

Эти программы следует систематически включать в мероприятия по постконфликтному оказанию помощи; фактически, планирование должно начинаться с момента зарождения любой чрезвычайной ситуации. Памятуя об этом, УВКБ стало членом Группы Организации Объединенных Наций по вопросам развития (ГООНВР), с тем чтобы гарантировать учет проблемы беженцев и возвращающихся на родину лиц при разработке постконфликтной политики, а также долгосрочных программ развития. Я лично также стал инициатором ряда мер, направленных на решение этого вопроса, работая в партнерстве с Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Детским фондом Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), Мировой продовольственной программой (МПП), с другими специализированными учреждениями Организации Объединенных Наций, Всемирным банком и двусторонними партнерами в области развития. Одна из таких инициатив, под названием «четыре Р», помогает увязывать репатриацию, реинтеграцию, реабилитацию и реконструкцию. При их реализации мы также стремимся обеспечить примирение: речь идет о возвращении и примирении. Сейчас мы закрепляем успехи, достигнутые в осуществлении экспериментальных проектов в Афганистане, Сьерра-Леоне и в Шри-Ланке, и мы надеемся осуществить аналогичные инициативы в Либерии, Бурунди и затем в Судане. Однако здесь следует отметить, что важно также включать в программы реинтеграции тех бывших комбатантов, которые были демобилизованы.

Касаясь вопроса о возвращении, я хотел бы сейчас сообщить некоторые обнадеживающие сведения, относящиеся к Африке. Я рад сообщить о том, что никогда еще не существовало так много возможностей для прочных решений в столь многих районах Африки. Имеется огромный потенциал для разрешения затяжных конфликтов, укрепления мира и урегулирования сохраняющихся длительное время проблем, связанных с беженцами и лицами, перемещенными внутри страны. В Эритрее, Анголе и Руанде за последние несколько лет вернулись домой сотни тысяч беженцев. Только в Сьерра-Леоне более 240 000 беженцев смогли вернуться домой благодаря присутствию Миссии Организации Объединенных Наций в Сьерра-Леоне (МООНСЛ)и широкомасштабным усилиям международного сообщества по обеспечению стабилизации. Мы надеемся завершить репатриацию в Сьерра-Леоне в течение этого года. В Либерии нам предстоит пройти долгий путь, но мы надеемся начать процесс возвращения более 320 000 беженцев, которые бежали из страны, а также сотен тысяч лиц, перемещенных внутри страны — а мы сейчас работаем в 20 лагерях для лиц, перемещенных внутри страны, — как только ситуация более-менее стабилизируется. Я считаю, что это станет возможным в октябре. В Бурунди прогресс, достигнутый на политическом фронте, позволил УВКБ обеспечить возвращение 35 000 беженцев с начала нынешнего года, и это число будет возрастать.

Мы несем общую ответственность за уменьшение опасности возобновления конфликтов и за достижение дальнейшего прогресса в этой сфере. Возможности для этого имеются, но вопрос заключается в том, сумеем ли мы ими воспользоваться. Впереди нас ждет много трудностей: мирные процессы должны получить твердую поддержку на всех уровнях; необходимо приложить усилия для обеспечения эффективности программ разоружения, демобилизации и реинтеграции бывших комбатантов, включая молодежь; необходимо разработать комплексные стратегии в поддержку усилий по миростроительству и примирению; учреждениям, занимающимся оказанием гуманитарной помощи, необходимо предоставить адекватные ресурсы для оказания помощи в осуществлении безопасного и дос

тойного возвращения домой беженцев и лиц, перемещенных внутри страны; и необходимо своевременно и на скоординированной основе решать вопросы, касающиеся социально-экономических аспектов постконфликтного восстановления. Мира и развития в Африке не достичь без реинтеграции перемещенного населения и предоставления ему возможности снова заниматься производительным трудом.

Здесь я хотел бы затронуть проблему недостаточности ресурсов, выделяемых для Африки. Наши группы по оказанию чрезвычайной помощи делают все для того, чтобы переместить десятки тысяч беженцев из приграничных районов Чада, но испытывают острую нехватку для проведения этой операции по спасению людей и операции по подготовке условий для возвращения, в конечном счете, беженцев в Судан. Наши операции в Либерии также сталкиваются с серьезной нехваткой ресурсов. Я понимаю, что Совет не занимается вопросами финансирования. Однако это также и политический вопрос, и его следует решить в целях прекращения военных действий в Судане и подержания мирного процесса в Либерии. Конечно, обязательства, взятые на конференции доноров, состоявшейся здесь, в Нью-Йорке, в начале этого года, были щедрыми. Но обязательства должны претворяться в действенное финансирование и в конкретные шаги.

Я хотел бы перейти сейчас к другому району мира. В Афганистане положение начало улучшаться с конца 2001 года, и более 3 миллионов афганских беженцев и лиц, перемещенных внутри страны, вернулись домой. Мое Управление активно взаимодействует с правительствами Ирана и Пакистана, с тем чтобы содействовать возвращению еще одного миллиона беженцев в этом году. Здесь я хотел бы добавить, что Иран и Пакистан взяли на себя тяжелое бремя, размещая у себя афганских беженцев в течение более 25 лет. Их щедрость и соблюдение принципов международной защиты и предоставления убежища должны служить примером для других государств. Мне доставляет особое удовольствие выказать это соображение в то самое время, когда Пакистан является Председателем Совета. Большое Вам спасибо, г-н Председатель.

Несмотря на прогресс, достигнутый в деле репатриации к настоящему времени, согласно оценкам, в Иране и Пакистане все еще остаются около 3 миллионов афганцев. В Пакистане, в граничащих с Афганистаном районах проживания племен, находятся около 200 000 беженцев. Недавно, в апреле, я имел возможность еще раз посетить этот район. Тогда я заверил стороны в том, что мое Управление, как никогда ранее, сосредоточено на усилиях по репатриации. В частности, мы будем стремиться ускорить закрытие лагерей для беженцев в приграничных районах, с тем чтобы помочь уменьшить бремя ответственности за обеспечение безопасности, которое приходится нести Пакистану и международному сообществу в целом.

При этом отсутствие безопасности внутри Афганистана явно является одним из ключевых факторов, препятствующих возвращению афганцев или затрудняющих его. Это особенно наглядно проявляется в районах, где продолжается междоусобная борьба, что создает негативную обстановку, мешающую решению проблемы перемещенных лиц. Пренебрежение правопорядком и другие факторы, такие, как насильственная вербовка в армию, незаконное налогообложение и захват домов и земель, также препятствуют возвращению. Эти проблемы следует решать в первоочередном порядке. При посещении региона в апреле я встречался с беженцами и с лицами, перемещенными внутри страны, чтобы обсудить перспективы их возвращения. На вопрос, что заставит их вернуться домой, подавляющее большинство ответили: развертывание международных сил в их родных местах.

Мне известно о планах Организации Североатлантического Договора (НАТО) относительно расширения рамок деятельности сил Международных сил содействия безопасности (МССБ) и распространения ее на целый ряд поселений, включая создание новых провинциальных групп по восстановлению, которые должны стать по сути провинциальными группами по стабилизации. Вместе с тем я недавно направил письмо Генеральному секретарю НАТО, в котором выразил озабоченность в связи с весьма скромными обязательствами о предоставлении войск, объявленными на Берлинской конференции, и медленными темпами этого процесса расширения. Расширение МССБ имеет огромное значение для успешного завершения Боннского процесса. Это также один из ключевых вопросов в процессе возвращения беженцев и перемещенных лиц, в особенности потому, что затрагивает выборы.

Наше Управление, со своей стороны, поддержало правительство в вопросе о создании Комиссии

по возвращениям — в том числе участие как Миссии Организации Объединенных Наций по содействию Афганистану (МООНСА), так и УВКБ — в целях решения проблемы возвращения внутренне перемещенных лиц и, более конкретно, проблемы возвращения пуштунов с севера. В настоящее время Комиссия активно взаимодействует с местными руководителями на севере, с тем чтобы попытаться не допустить дальнейших перемещений и создать условия для устойчивого процесса возвращения. Однако нам вновь необходима поддержка Совета в вопросах безопасности и расширения МССБ совместно с провинциальными группами в целях достижения успеха.

Наконец, я не могу не упомянуть о своей озабоченности в связи с ситуацией в Ираке, и это вопрос, который также продолжает вызывать тревогу у Совета Безопасности. Как известно членам Совета, война в Ираке не привела к массовым перемещениям беженцев. Однако вакуум власти и нескончаемые волнения привели к краху государственных служб и небезопасности для большинства иракцев. Хотя возможности для возвращения беженцев домой в ситуации нестабильности по-прежнему неясные, наше Управление сейчас работает, оказывая помощь тем иракским беженцам в Иране, которые заинтересованы сейчас в репатриации, чтобы вернуться домой. Движение конвоев с репатриантами, многие из которых направляются в Басру, началось в ноябре прошлого года. Хотя операции были приостановлены в апреле из-за боевых действий и проблем в области безопасности, их удалось возобновить две недели назад. Это осторожные, небольшие шаги, однако я надеюсь, что они будут содействовать в определенной степени обеспечению будущей стабильности Ирака.

Вопросы о внутреннем перемещении — в том числе на севере страны, где УВКБ будет оказывать помощь в процессе возвращения и реинтеграции перемещенных курдов, — рассматривается сейчас в рамках «плана В», как я его называю. «План В» осуществляется только сотрудниками, являющимися гражданами страны, и национальными неправительственными организациями. Я надеюсь вернуться, как только позволит положение в плане безопасности, к «плану А». «План А» предусматривает, что международный персонал в Ираке продолжит свои усилия по оказанию гуманитарной помощи и помощи в процессе восстановления, ликвидации последствий ужасного правления Саддама Хусейна, оказанию помощи жертвам кампании «арабизации», «болотным арабам, а по также усилия по обеспечению прав курдов-шиитов (файли). Мы будем сотрудничать с иракским министром по вопросу о перемещенных лицах, работая с иракцами и для иракцев.

Я хотел бы также выразить признательность сотрудникам Организации Объединенных Наций — гражданам страны — за их мужество и самоотверженность. Благодаря им и в сотрудничестве с международными и национальными неправительственными организациями, такими как «Premiere Urgence», Международная исламская организация по оказанию чрезвычайной помощи и Организация по оказанию гуманитарной помощи (ИНТЕРСОС), нам удалось продолжить усилия по спасению жизни людей. Например, вместе с ними мы распределили чрезвычайную помощь среди более чем 50 000 человек, ставших жертвами недавно вспыхнувшего насилия в Центральном и Южном Ираке. Однако я хотел бы вновь заявить о том, что они также ожидают с нетерпением того дня, когда международный персонал сможет вернуться в Ирак для завершения своей миссии.

В этой связи я хотел бы высказать свое последнее замечание, касающееся безопасности персонала Организации Объединенных Наций. Сейчас, когда более чем 4000 сотрудников УВКБ работают на местах и зачастую в отдаленных и опасных районах, этот вопрос приобретает особую важность для меня и моего Управления. Взрыв бомбы в отделении Организации Объединенных Наций в Багдаде в августе прошлого года стал трагическим напоминанием об угрозах, которым подвергаются сотрудники во имя торжества мира и справедливости. Какие уроки мы должны извлечь из этого? Несомненно, ответом будет не то, что я называю процессом «иракизации», под которым я имею в виду тенденцию считать, что весь мир подобен Ираку. Я не согласен с мнением о том, что Организация Объединенных Наций должна начать действовать радикально иным образом в каждой стране, в которой она работает, на основе той посылки, что сейчас во всем мире есть мишени для террористов. Мое Управление не может работать, находясь в «крепости»: мы не можем и не должны так работать. В таком случае нам придется прекратить работу и вернуться домой.

Как известно членам Совета, Генеральный секретарь учредил группу для рассмотрения вопроса о безопасности персонала, и сейчас предпринимаются усилия по повышению уровня безопасности персонала Организации Объединенных Наций во всем мире. Со своей стороны, я полон решимости обеспечить, чтобы, независимо от любых изменений, система предусматривала и действительно поощряла дифференцированный подход с учетом особенностей каждой страны. Группы по вопросам безопасности, созданные на местах, должны иметь полномочия на принятие решений на местах с учетом местных условий. Не следует допускать, чтобы это подрывалось такими процессами, как бюрократизация и централизация нашей системы управления в области безопасности. Я поддерживаю идею о том, чтобы на должностное лицо Организации Объединенных Наций в стране была возложена главная ответственность за безопасность всех сотрудников Организации Объединенных Наций в этой стране. Короче говоря, «безопасное проведение операций» должно стать нашим лейтмотивом. Я хотел бы остановиться на этом, однако я обращаюсь с просьбой к Совету о том, чтобы он продолжал оказывать нам поддержку в обеспечении безопасности сотрудников Организации Объединенных Наций.

Способность УВКБ защищать беженцев и находить прочные решения во многом зависит от эффективности его отношений партнерства. Они включают в себя партнерство с другими органами и учреждениями системы Организации Объединенных Наций, международными организациями за пределами системы Организации Объединенных Наций, такими, как Международный комитет Красного Креста, региональными организациями и инициативами, такими как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и Новое партнерство в интересах развития Африки, а также, разумеется, неправительственными организациями. В силу существования взаимозависимости между проблемой беженцев и поддержанием международного мира и безопасности должна также существовать сильное взаимодействие между УВКБ и Советом Безопасности.

Сегодня я остановился на целом ряде инициатив, над которыми работает в настоящее время мое Управление в поддержку нынешних миротворческих операций. Влияние Совета Безопасности и его способность принимать решительные политические меры также имеет огромное значение для содействия усилиям по предотвращению гуманитарных катастроф. Важно, чтобы Совет Безопасности и впредь обеспечивал руководство и определял направление в процессе координации усилий в различных областях системы Организации Объединенных Наций, включая миротворчество, миростроительство, гуманитарную деятельность и даже развитие.

Председатель (*говорит по-английски*): Я благодарю г-на Любберса за его всеобъемлющий брифинг и любезные слова в адрес моей делегации.

Поскольку списка ораторов нет, я прошу членов Совета, которые хотели бы задать вопросы Верховному комиссару, сейчас уведомить об этом Секретариат.

Г-н Сарденберг (Бразилия) (*говорит по-английски*): Я хотел бы опередить других коллег и поблагодарить Верховного комиссара Рууда Любберса за его содержательный брифинг по одному из самых важных вопросов. Я хотел бы также высказать ряд замечаний и задать вопрос.

Мы очень высоко ценим Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) за его самоотверженную гуманитарную деятельность по защите беженцев и нахождению прочных решений касающихся их проблем: это репатриация, местная реинтеграция или расселение. Конвенция о статусе беженцев 1951 года и Протокол к ней 1967 года лежат в основе деятельности по защите беженцев. Мы решительно поддерживаем строгое соблюдение всеми странами содержащихся в этих документах принципов.

В этой связи следует с серьезной обеспокоенностью отметить, что отнюдь не всегда соблюдается их основополагающее положение — так называемый принцип непринудительной репатриации. Добровольная же репатриация и реинтеграция иногда просто невозможна. Дело еще более осложняется тем, что широкая общественность находится под впечатлением повсеместных эпизодов, когда с проблемой беженцев связывают инциденты незаконной торговли людьми и их контрабанды, а также периодический приток экономических мигрантов.

Странам, принимающим более строгие иммиграционные и антитеррористические меры, необходимо и впредь держать свои границы открытыми

для беженцев. С одной стороны, нельзя допускать того, чтобы террористы получали доступ в те или иные страны незаконным образом, злоупотребляя своим статусом граждан, получивших убежище. Положения Конвенции неприменимы к людям, совершившим тяжкие преступления. С другой стороны, мы полностью согласны с заявлением г-на Любберса, с которым он выступил, когда в прошлый раз проводил в Совете брифинг в феврале 2002 года, — заявлением о том, что нам нельзя допускать ослабления режима международного беженского права вследствие глобальных усилий по борьбе с терроризмом. Иными словами, нельзя допускать того, чтобы антитеррористические меры препятствовали осуществлению права просить о предоставлении убежища. Беженцы и внутренне перемещенные лица, несомненно, являются жертвами нарушений прав человека, и международное сообщество должно помогать им возвратиться к жизни в условиях, которые гарантируют их безопасность и достоинство.

Мне хотелось бы просить г-на Любберса поподробнее рассказать о процессе расселения беженцев в родных местах на данный конкретный момент.

Г-н Муньос (Чили) (*говорит по-испански*): Мне также хотелось бы поблагодарить г-на Любберса за его брифинг о том тяжелом гуманитарном положении беженцев, с которым международному сообществу приходится сталкиваться. Это был полезный брифинг.

Поскольку на данном этапе предполагается задавать вопросы, я бы окунулся в самую суть проблемы и попросил бы рассказать об одном из ныне разворачивающихся кризисов в области помощи беженцам. Г-н Любберс в своем брифинге упомянул целый ряд подобных кризисов, но мне хотелось бы коснуться того кризиса, который ныне нарастает в Судане в результате конфликта в Дарфуре. В этой связи мне хотелось бы задать несколько вопросов.

Нам известно, что из Дарфура в Чад, как подробно охарактеризовал сегодня г-н Любберс, перемещаются тысячи беженцев. Во-первых, имеется ли какая-нибудь информация о беженцах, которые могут двигаться из Дарфура на территорию Центральноафриканской Республики?

Во-вторых, какие меры безопасности приняло правительство Судана для дарфурских лагерей? В какой мере правительство в Хартуме контролирует джанджавидских ополченцев?

В-третьих, насколько улучшился доступ гуманитарных учреждений в наиболее пострадавшие районы с тех пор, как 8 апреля было подписано соглашение о прекращении огня в гуманитарных целях? И, в связи с этим, каков порядок выдачи виз и разрешений на поездки по стране правительством Судана для гуманитарных учреждений?

В-четвертых, в свете распространяемой прессой информации о том, что джанджавидские ополченцы совершают нападения на лагеря в Чаде, какие меры безопасности принимаются правительством принимающей страны для этих лагерей? И, в этой связи, снабжает ли Организация Объединенных Наций эти лагеря достаточным количеством продовольствия. В некоторых крупных газетах мне пришлось читать критику на тот счет, что по прибытии в эти лагеря новых беженцев оказывается, что Организация Объединенных Наций не заготовила для вновь прибывших достаточного количества продовольствия.

В-пятых, с учетом начинающегося всего лишь через несколько недель сезона дождей, считает ли г-н Любберс, что для того, чтобы справиться с еще более масштабным гуманитарным кризисом, у нас достаточно времени?

Г-н Гашпар Мартинш (Ангола) (*говорит по-английски*): Хотелось бы сказать, что мы глубоко удовлетворены тем, г-н Председатель, что Вы включили в свою программу работы эту важную тему, поскольку считаем, что брифинг Верховного комиссара по делам беженцев является не только своевременным, но и необходимым для того, чтобы Совет Безопасности имел реальное представление о значении проблемы беженцев, перемещенных лиц и их безопасности. Эта проблема уже более не является лишь гуманитарной проблемой: это настоящая проблема безопасности. Я могу это засвидетельствовать, поскольку сам являюсь гражданином затронутой этой проблемой страны, в которой Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев играет весьма важную позитивную роль в содействии моему правительству в решении постконфликтных проблем.

С другой стороны, вся Африка в целом, как сообщил нам Верховный комиссар, является тем континентом, для которого эта проблема весьма ре

альна. Это одна из тех проблем, с которыми мы повседневно имеем дело в каждой части континента, будь то в Северной Африке, Западной Африке или на юге Африки. Это одна из тех проблем, решением которых заниматься просто необходимо и которые следует рассматривать в контексте проводимых нами, особенно здесь, анализов положения дел в сфере безопасности.

Поэтому мне хотелось бы поблагодарить Верховного комиссара Любберса за проведенный им весьма интересный и содержательный брифинг и за то, что он поднял некоторые из серьезнейших по-прежнему стоящих перед Организацией проблем.

И коли уж мы договорились о таком формате этого заседания, мне тоже хотелось бы задать пару вопросов. Во-первых, мне хотелось бы поподробнее услышать о взаимосвязях, налаживаемых в работе по координации с другими учреждениями, как входящими, так и не входящими в систему Организации Объединенных Наций. У нас есть Департамент операций по поддержанию мира, Департамент по политическим вопросам, Управление по координации гуманитарной деятельности, Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу и Детский фонд Организации Объединенных Наций. Как можно организовать реальную координацию деятельности столь различных учреждений таким образом, чтобы эти проблемы можно было решать эффективно? Мы опять-таки возвращаемся к тому, что это не просто гуманитарная проблема, но и проблема безопасности.

Во-вторых, я был бы признателен за более подробные комментарии относительно финансовой поддержки. Мне известно, что это одно из слабейших звеньев всех программ. Мне хотелось бы услышать от Верховного комиссара, как его Управление намерено справляться с некоторыми из проблем, создаваемых финансовыми неувязками.

Г-жа д'Ашон (Франция) (*говорит по-французски*): Мне тоже хотелось бы поблагодарить г-на Любберса за его весьма содержательный брифинг о положении беженцев в конфликтных ситуациях. Члены Совета очень внимательно следят за этим вопросом.

Что же касается произошедших недавно перемещений, о которых говорил г-н Любберс, то я хотела бы задать ему вопросы, которые можно разделить на две группы. Первая группа вопросов относится к Западной Африке. Поскольку Организация Объединенных Наций сейчас проводит в регионе три операции по поддержанию мира, которым вручены дающие большие полномочия мандаты, не мог бы г-н Любберс объяснить, как Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) представляет себе возможные совместные действия этих трех операций, особенно в том, что касается беженцев? Во-вторых, учитывая приближающиеся выборы в Кот-д'Ивуаре и Либерии, мог бы он сказать Совету, организованы ли репатриация беженцев и возвращение перемещенных лиц таким образом, чтобы эти люди также могли участвовать в приближающихся выборах? В частности, учтен ли в программах УВКБ вопрос регистрации этих беженцев и перемещенных лиц в списках избирателей?

Мои два других вопроса касаются ситуации в Дарфуре, Судан, и особенно проблемы беженцев, находящихся в Чаде. Франция в особенности обеспокоена положением в этом регионе. Как известно, в начале этого года Франция выделила УВКБ 200 000 евро УВКБ для операций в Чаде, в дополнение к 150 000 евро, предоставленным французской неправительственной организации «Премьер юржанс», которую упоминал г-н Любберс и которая также работает в Чаде. Поскольку трудно получить точную цифру числа беженцев, которые пересекают границу в настоящее время, и поскольку мы имеем дело с кочевым населением, я хотела бы спросить г-на Любберса, есть ли у него оценочные данные на настоящий момент и, что особенно важно, предвидит ли он значительное увеличение притока беженцев в Чад. Если это увеличение ожидается, будет ли оно устойчивым, учитывая положение с безопасностью, о котором рассказали предыдущие выступавшие?

Г-н Моток (Румыния) (*говорит по-английски*): Я поддерживаю многие замечания общего характера, которые были высказаны предыдущими выступавшими, и особенно послом Гашпаром Мартиншем. Я также хотел бы дать высокую оценку усилиям Верховного комиссара Рууда Любберса и выразить благодарность моей делегации за очень своевременный и глубокий брифинг, проведенный им для членов Совета. Я пользуюсь этой возможностью, чтобы поблагодарить г-на Любберса и его сотрудников за то, как они выполняют чрезвычайно

ответственные функции, возложенные на Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ).

Я бы хотел задать два вопроса г-ну Любберсу. Первый вопрос — речь идет о разъяснении — касается ситуации с беженцами в Дарфуре, Судан. Имеющаяся у нас информация — цифры, которые были представлены Управлением по координации гуманитарной деятельности (УКГД), — говорит о том, что речь идет о 2 миллионах беженцев. Для сравнения: в апреле эта цифра составляла 1 миллион. Если эти цифры являются точными, то я был бы очень благодарен за разъяснение причин такого резкого увеличения числа беженцев в этой зоне конфликта.

Во-вторых, я хотел бы привлечь внимание к району, не упомянутому в брифинге Совету, который, за исключением этого, был всеобъемлющим. Тем не менее, этот вопрос мог бы быть затронут, учитывая глобальный масштаб деятельности УВКБ. И вопрос этот касается Косово. Как указано в докладе Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово (МООНК) от 30 апреля (S/2004/348), МООНК взаимодействует с временными органами самоуправления Косово с целью поддержки усилий, направленных на реконструкцию, после вспышки насилия, которая произошла в марте этого года. С этой целью, как сообщалось, МООНК была создана группа поддержки восстановительных работ, в состав которой вошли представители УВКБ, Программы развития Организации Объединенных Наций и Европейского агентства реконструкции. Мы были бы очень благодарны Верховному комиссару, если бы он сообщил Совету последние данные о деятельности УВКБ в рамках коллективных усилий, в особенности в том, что касается прогресса в обеспечении возвращения недавно перемещенных лиц.

Г-н Плойгер (Германия) (*говорит по-английски*): Я также присоединяюсь к другим делегациям и благодарю Верховного комиссара за его чрезвычайно информативный доклад.

Я хочу сделать небольшое замечание и задать три коротких вопроса. Мое замечание относится к взаимосвязи между поддержанием мира и возвращением беженцев. Верховный комиссар правильно сказал, что устойчивое возвращение беженцев и перемещенных лиц прямым образом связано с поддержанием мира. Существует и обратная связь между этими явлениями. Поддержание мира и особенно миростроительство невозможны без возвращения беженцев и перемещенных лиц. Проблема беженцев всегда была трансграничной проблемой, и согласен с Верховным комиссаром в том, что мы должны найти формулу, которая позволяла бы миссиям по поддержанию мира работать в условиях трансграничного конфликта.

Поэтому Германия полностью поддерживает программу Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) по обеспечению добровольного возвращения беженцев в Африке, и мы будем продолжать поддерживать все инициативы Верховного комиссара в этой области. Мое правительство чрезвычайно озабочено вопросом устойчивой реинтерграции беженцев в Африке. В 2003 году Германия выделила приблизительно 7,6 млн. евро на поддержку проектов УВКБ в Эфиопии, Кении, Танзании и Чаде. В этом году мы уже выделили 4,8 млн. евро на проекты УВКБ в Африке, концентрируя внимание на Анголе, Сомали и Сьерра-Леоне. Я могу заверить Верховного комиссара в том, что мы будем продолжать и дальше поддерживать усилия его Управления.

Мои вопросы относятся к Дарфуру и имеют ту же направленность, что и вопросы, которые уже задали мои французский и румынский коллеги. Управление по координации гуманитарной деятельности (УКГД) сообщило, что более 2 млн. человек пострадали от конфликта. У меня такой вопрос: как, по мнению г-на Любберса, будут развиваться события в ближайшем будущем? Пересекают ли границу в настоящее время еще и другие беженцы, причем в большом количестве? И как УВКБ сумеет справиться с этой ситуацией? И может ли УВКБ справиться с этой ситуацией?

Мой второй вопрос касается того, что Верховный комиссар сказал о безопасности персонала Организации Объединенных Наций. Я согласен с тем, что следует оценивать положение в каждой стране отдельно, когда производится оценка безопасности персонала, и не везде положение является таким же, как в Ираке или какой-то другой зоне кризиса. Однако Верховный комиссар отметил, что группы по обеспечению безопасности в миссиях, созданные на местах, должны иметь полномочия принимать решение на месте, в зависимости от местной ситуа

ции. Это не вызывает возражений. После этого Верховный комиссар добавил, что эти полномочия не должны ослабляться из-за бюрократизации и централизации нашей системы обеспечения безопасности. Может быть, он мог бы пояснить немного, что он под этим понимает, и привести некоторые детали.

Мой третий и последний вопрос относится к комплексным миссиям и взаимоотношениям между УВКБ и военными. Мы разделяем мнение Верховного комиссара, что в принципе комплексные миссии Организации Объединенных Наций являются правильным подходом. Преимущество того, что миссия является комплексной, состоит в том, что в таком случае можно более эффективно использовать и финансовые, и человеческие ресурсы, и упрощается координация. Миссии Организации Объединенных Наций по поддержанию мира все чаще являются комплексными, и в них военный персонал и персонал по оказанию помощи тесно взаимодействуют. У некоторых из этих миссий гуманитарная помощь включена в мандат. В этом плане мы хотели бы обратить внимание на руководящие принципы 2003 года в отношении использования сил и средств армии и гражданской обороны (ССАГО) в поддержку гуманитарной деятельности Организации Объединенных Наций в сложных чрезвычайных ситуациях. Эти так называемые руководящие принципы ССАГО дополняют руководящие принципы 1994 года, принятые в Осло, — в отношении ситуаций, когда государство утратило контроль за страной, переживающей кризис. Мое правительство участвовало в разработке этих принципов, и, на наш взгляд, особенно важны четыре из них: во-первых, уважение суверенитета государства, переживающего кризис; во-вторых, беспристрастность, а это значит, что помощь в гуманитарной деятельности могут оказывать лишь те войска, которые не участвуют в конфликте; в-третьих, вспомогательность, что означает, что оказание гуманитарной помощи — это прежде всего задача специализирующихся на этом организаций и что ССАГО должны использоваться для оказания поддержки лишь в самом крайнем случае; и в-четвертых, это то, что военная поддержка при оказании чрезвычайной гуманитарной помощи должна предоставляться лишь по просьбе или с согласия той страны, которой оказывается помощь.

Я хотел бы спросить г-на Любберса о том, как он оценивает состояние осуществления этих руководящих принципов.

Г-н Меркадо (Филиппины) (*говорит по-английски*): Я хочу присоединиться к другим делегациям и поблагодарить Верховного комиссара Любберса за его всеобъемлющий брифинг в Совете о проблемах, с которыми сталкиваются беженцы и перемещенные внутри страны лица, особенно в контексте ситуации с миром и безопасностью в лагерях и поселениях и внутренними и трансграничными ситуациями в плане мира и безопасности.

Хотел бы коснуться вопроса о безопасности беженцев. Зачастую беженцы живут в условиях постоянного отсутствия безопасности применительно как к личной безопасности, так и социально-экономическим условиям. Беженцы и перемещенные внутри страны лица представляют собой одну из наиболее уязвимых групп в сегодняшнем мире, ибо даже когда их переселяют в безопасные в целом места, их жизнь, тем не менее, подвергается многим опасностям. Кроме того, эксплуатация уязвимых сторон беженцев может приводить к появлению серьезных тревог, связанных с безопасностью, у принимающих их государств и их ближайших соседей.

Безопасность беженцев в лагерях, например, все чаще становится предметом обеспокоенности. В силу уязвимости лагерей беженцев в них легко могут проникать мятежники и преступные элементы, которые используют такие лагеря для того, чтобы укрыться в них. Поскольку безопасность беженцев — это важнейшая цель, необходимо в максимальной степени сохранять гражданский характер лагерей беженцев.

Однако при всей желательности отделения вооруженных элементов от гражданских беженцев задача сохранения гражданского характера лагерей беженцев может быть не такой простой. В каких-то случаях некоторые беженцы могут тайно вооружаться в целях обеспечения дополнительной безопасности лагеря. В других случаях вооруженные группы могут быть дружелюбно настроены по отношению к беженцам и могут действовать в качестве защитников определенных районов расквартирования беженцев от других вооруженных агрессоров.

Размытость границ между гражданским и военным характером лагерей может привести к увели

чению вероятности нападений на находящихся в них беженцев со стороны противостоящих сил. Поэтому сохранение гражданского характера лагерей беженцев превратилось в приоритетный вопрос безопасности. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) подчеркивало необходимость в отделении гражданских лиц от вооруженных элементов в лагерях беженцев. Однако достичь этого может быть непросто из-за сложных ситуаций, о которых я упоминал ранее.

Есть ли у УВКБ какие-то рекомендации насчет того, как решать различные ситуации в плане безопасности в лагерях беженцев?

Г-н Ростов (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я хочу поблагодарить Верховного комиссара Любберса за его брифинг и хотел бы сказать несколько слов, а затем задать несколько вопросов.

Члены Совета, возможно, видели во вторник на этой неделе, как госсекретарь Пауэлл объявлял о том, что Соединенные Штаты собираются внести дополнительно 88,3 млн. долл. США с тем, чтобы довести наш общий взнос на цели оказания поддержки беженцам до суммы в 247 млн. долл. США, из которых 44 млн. долл. США предназначены для Африки.

Хочу также отметить, что, на мой взгляд, все мы не только признательны Управлению Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) за его работу, но и понимаем, что практически из всех управлений Организации Объединенных Наций оно оказывает, вероятно, самое большое и самое значительное воздействие на жизнь самого большого числа людей.

И второй момент, который я хочу отметить, состоит в том, что все мы, как мне кажется, очень обеспокоены гуманитарной ситуацией внутри Дарфура и Чада и вокруг них. Как и само правительство Судана, мы прекрасно понимаем, что положение там совершенно отчаянное. И поэтому мои вопросы идут в развитие вопросов, которые выдвигали мои коллеги, и касаются этой ситуации.

Нам было бы интересно получить какую-то информацию о планируемой роли УВКБ по защите в отношении Дарфура. Нам интересно знать, разрабатывает ли Управление какие-либо планы на случай непредвиденного притока дополнительного числа беженцев в Чад. И, наконец, в развитие ряда вопросов мы хотели бы знать, что Управление г-на Любберса рекомендовало бы международному сообществу сделать в плане безопасности, для того чтобы беженцы могли жить в условиях относительной безопасности, а его Управление и другие гуманитарные участники могли работать в безопасных условиях.

Г-н Бенмехиди (Алжир) (*говорит по-французски*): Я хотел бы присоединиться к предыдущим ораторам и поблагодарить г-на Любберса за его всеобъемлющий и исчерпывающий брифинг о положении беженцев во всем мире. Я хотел бы сказать несколько слов о тех трудностях, с которыми Верховный комиссар и гуманитарное сообщество сталкиваются в решении задач, связанных с беженцами.

Не мог бы г-н Любберс предоставить нам какую-то информацию о финансовых проблемах, вызываемых чрезвычайными ситуациями? В этой связи я хотел бы сказать несколько слов о конкретной ситуации государств, принимающих беженцев, а это, как хорошо известно, главным образом развивающиеся страны. Они обычно не жалеют сил, проявляя гостеприимство, однако в большинстве случаев их усилия по национальному развитию сдерживаются, а ресурсы растрачиваются в результате исполнения им своего долга гостеприимного хозяина по отношению к беженцам. В этой связи я хочу поднять проблему совместного участия в расходах. Я бы попросил г-на Любберса сказать несколько слов о том, что можно было бы сделать для облегчения бремени принимающих государств.

Второй вопрос, который возник у меня в связи с брифингом г-на Любберса, касается существенного вклада Управления Верховного комиссара в улучшение политического климата в тех конфликтных зонах, где он работает, с целью содействия возвращению беженцев.

Я хотел бы подчеркнуть, что нам приходится иметь дело с двумя различными видами ситуаций, в которых оказываются беженцы: это ситуации, которым уделяется большое внимание в средствах массовой информации, и чрезвычайные ситуации, требующие мобилизации ресурсов, а также так называемые «забытые конфликты», которые могут продолжаться по причинам, которые, на мой взгляд,

следует выявлять в рамках таких дискуссий, как нынешняя — по политическим причинам, в силу которых население продолжает оставаться в зависимом положении на протяжении целых десятилетий. Моя делегация была бы весьма признательна г-ну Любберсу, если бы он высказал свои соображения по поводу такого рода забытых конфликтов.

Председатель (*говорит по-английски*): Сейчас я хотел бы высказать несколько ряд замечаний и задать несколько вопросов в моем национальном качестве представителя Пакистана.

Прежде всего я хотел бы поблагодарить Верховного комиссара Любберса за то, что они принял участие в этом заседании и выступил перед нами со столь всеобъемлющим брифингом. Его выступление дало членам Совета огромную пищу для размышлений. На мой взгляд, его брифинг носит весьма своевременный характер, поскольку он проводится после состоявшихся в Совете 17 мая обсуждений по вопросу о миротворчестве, а также накануне запланированного нами на 28 мая обсуждения, которое будет посвящено вопросу о сложных конфликтных ситуациях и реагировании на них со стороны Организации Объединенных Наций.

Думаю, пожалуй, было бы важно отметить тот факт, что в любой кризисной ситуации немедленно возникают два аспекта. Первый аспект касается безопасности, второй — гуманитарных потребностей населения. В том, что касается реагирования международного сообщества, то здесь наблюдается некая двойственность. В области поддержания мира после того, как Совет принимает необходимое решение, мы получаем возможность мобилизовать ресурсы, требуемые для развертывания согласованных миротворческих операций. Что касается реагирования на гуманитарные ситуации, то здесь дело обстоит совсем иначе, и мы в первую очередь зависим от добровольных взносов правительств, а также от действий принимающих правительств на местах в плане обеспечения доступа и сотрудничества. Может ли г-н Любберс поделится соображениями по поводу того, каким образом можно было бы одновременно обеспечивать международную безопасность и оказывать финансовую помощь в целях ослабления кризисных ситуаций в момент их возникновения?

Мне хотелось бы задать два конкретных вопроса по Афганистану. Я весьма признателен г-ну Любберсу за то, что в качестве примера он упомянул Пакистан, который за почти 25-летний период принял 4 млн. афганских беженцев. Многие из них все еще находятся в Пакистане. В апреле 2001 года Пакистан, Афганистан и Управление Верховного комиссара по делам беженцев (УВГБ) подписали трехстороннее соглашение о добровольной репатриации афганских беженцев. Я хотел бы спросить, существует ли какая-либо «дорожная карта» или какой-либо план для осуществления этого соглашения, и, если существует, то какой прогресс был достигнут в этой связи.

Мое последнее замечание состоит в следующем. Как известно Верховному комиссару, афганский кабинет президента Карзая в настоящее время дорабатывает закон о выборах, и в принципе уже было принято решение о том, что афганские беженцы в Пакистане и Иране также примут участие в выборах. Миссия Организации Объединенных Наций по содействию Афганистану будет нести главную ответственность за обеспечение координации действий в этой связи, однако, мы рассчитываем и надеемся на то, что сотрудники УВКБ, обладающие богатым опытом и обширной информацией, смогут оказать содействие в рамках этого процесса, и, в частности, помочь в регистрации афганских беженцев в предвыборный период. Я был бы весьма признателен, если бы Верховный комиссар представил нам какую-либо информацию или высказал замечания по этому вопросу.

Сейчас я возвращаюсь к выполнению функций Председателя Совета Безопасности. Г-ну Любберсу предстоит ответить но множество вопросов, и я предоставляю ему слово.

Г-н Любберс (*говорит по-английски*): Я с самого начала хотел бы принести извинения за то, что мои ответы будут весьма краткими, ибо мне было задано большое число весьма важных вопросов. Я буду отвечать на них в том порядке, в котором они задавались в ходе выступлений. Поэтому начну с вопросов и замечаний, которые были заданы и высказаны от имени правительства Бразилии.

Если взглянуть на положение дел в мире в целом, то климат и, если хотите, политическая ситуация, в которой оказываются беженцы, все более усложняются. Как уже отмечалось, и вполне справедливо, такая ситуация объясняется тем, что многим странам приходится иметь дело с такими явления

ми, как торговля людьми, в результате которой в их приграничные районы поступают смешанные потоки людей: какая-то часть этих людей, действительно, является беженцами, однако, среди них попадаются и эмигранты, оказывающиеся там по другим причинам, которые, следуя советам других, пытаются проникнуть в эти страны, назвав себя беженцами. Это создает беженцам плохую репутацию, что является весьма серьезной проблемой.

Все это означает, что в качестве Верховного комиссара я должен затрачивать время и разрабатывать инициативы, которые позволили бы ограничивать такого рода нелегальные потоки людей. УВКБ может лишь отчасти улучшить эту ситуацию. Отчасти это также связано с отсутствием управления миграционными потоками. Если бы существовала законная отчетность о миграционных потоках, то, возможно, таких смешанных потоков людей было бы меньше. Это одна из стоящих перед нами проблем.

Со своей стороны, мы стремимся устранить или по крайней мере ограничить условия, способствующие торговле людьми, и пытаемся с самого начала находить более оптимальные постоянные решения для беженцев. Люди, вынужденные бежать в другую страну, будут значительно менее остро ощущать необходимость прибегать к помощи торговцев людьми, если они будут знать, что по прибытии в лагерь беженцев им будет предложено то или иное решение: либо в их стране в разумные сроки будет восстановлен мир, и они смогут вернуться на родину, либо они будут постепенно интегрироваться в жизнь страны, в которой они спасаются бегством, либо они будут направлены в другие страны по линии программ расселения, осуществляемых на страновом уровне. Кстати, в настоящее время Бразилия участвует в такого рода программе.

Таким образом, как здесь уже совершенно справедливо отмечалось, помимо того, что мы должны продолжать строго выполнять свои обязанности, состоящие в том, чтобы не отвергать, а принимать людей, которые являются подлинными беженцами, необходимо расширить роль УВКБ, включив в нее новую концепцию в целях ограничения неуправляемых вторичных потоков людей посредством создания в странах совместных механизмов для нахождения необходимых решений: обеспечения устойчивой репатриации, интеграции на местах и расселения. Это будет возможно, если все страны научатся совместно нести ответственность за решение этих проблем. Несправедливо было бы полагать, что обязательства по отношению к беженцам должны выполнять лишь отдельные страны.

Я привел этот замечательный и позитивный пример Пакистана, но, конечно, есть и другие. Однако, как нам всем известно из этого опыта, когда-то наступает предел и кто-то говорит: «Это не справедливо; мы должны разделить это бремя; мы должны вместе что-то предпринять».

Я перехожу к вопросам о Дарфуре, заданным от имени правительства Чили. Эти вопросы были очень четко сформулированы, и я постараюсь ответить на них так же конкретно, как задавал их посол Муньос.

Во-первых, идет ли поток беженцев из Дарфура в Центральноафриканскую Республику? Пока нет, и это объясняется географическими причинами. Дарфурский конфликт начался к северу от Дарфура — скажем, в районе Пахаи. Затем он распространился на юг. Мы в какой–то степени опасаемся, что он пойдет дальше, до тех районов Дарфура, которые граничат с Южноафриканской Республикой, и тогда мы, конечно же, увидим людей, направляющихся в эту страну. Но пока этого не происходит.

Я обращаюсь к вопросу отношения правительства Судана к Дарфурскому кризису. В должности Верховного комиссара я научился выражаться более прямолинейно, нежели принято говорить нормальным дипломатическим языком. Я считаю очевидным тот факт, что действующее прекращение огня в Судане предоставило суданской армии возможность использовать ее высвободившийся потенциал для начала операции в Дарфуре. Конечно, к этому подтолкнули движения повстанцев в Дарфуре, движения тех, кто добивается автономии, а это более широкое явление. Однако, этот специфический вид операции стал возможным благодаря действующему прекращению огня и резервным потенциалам. Затем мы увидели то, что наблюдаем во всем мире: совместную операцию армии и ополчения. Фактором здесь являются формирования «Джанджавид»; одни — с воздуха, другие — на земле. Затем начинается процесс чистки. Я употребил слово «чистка» не потому, что она имеет этнические мотивы; я считаю, что она больше мотивируется попыткой сломить сопротивление и привлечь людей к службе в правительственных силах, предлагая взамен пер

спективу получения площадей, земель и деревень. Таким образом, вы вынуждаете людей покинуть места, используя для этого весь набор отвратительных средств, которые практикуются во всем мире. «Джанджавид» действительно совершает вторжение в Чад, преследуя тех же людей за их скот и стараясь запугать их. Как наверное известно членам Совета, между двумя армиями существует соглашение (и это замечательно), позволяющее армии Чада углубляться на 100 километров вглубь территории Судана, в Дарфур. Армия в этой стране признает, что у нее нет возможности контролировать этот процесс. Сейчас, после моего рассказа, у членов Совета могут появиться иные соображения на этот счет, но это то, что происходит сегодня. Таким образом, вы видите процесс милитаризации по обе стороны границы.

Третий вопрос касался доступа в Дарфур. Для получения его международным сообществом были предприняты многочисленные инициативы, но до сих пор это очень сложно. Там действовали различные миссии; нам известно, что там работали представители движения Красного Креста и организации «Врачи без границ». Мы видели, что туда отправлялись миссии; мы знаем, что туда ездил Джеймс Моррис. Затем мы получаем заверения в том, что люди могут туда ехать, что у них есть доступ. Люди пытаются получить визы и едут в страну и, когда они туда прибывают, оказывается , что их виза недействительна и им нужна другая. Это нехорошо. В плане доступа, пока система не срабатывает. Это одна из причин, по которой УВКДБ сейчас предложило нам самим съездить туда в составе нескольких групп в дополнение к тем, кто уже там находится, хотя мы очень загружены,даже перегружены в связи с положением жителей Дарфури в Чаде. Мы обратимся с призывом к правительству предоставить нам такую возможность. В этом плане я настроен оптимистически, потому я также должен сказать, что у нас очень хорошие рабочие отношения с правительством Судана. Мы бы сказали, что существует необходимость в нашем пребывании в районе Дарфура. Мы поедем туда с тремя сотрудниками в дополнение к находящимся там. Я разговаривал с г-ном Келленбергером из МККК на предмет координации наших действий, чтобы наша работа была действительно взаимодополняющей и эффективной. Мы сделаем это для улучшения ситуации в Дарфуре.

Сейчас я возвращаюсь к вопросу о Чаде, который был следующим вопросом. Нам сообщили, что формирования «Джанджавид» иногда пересекают границу. Я не располагаю информацией, заходили ли они так далеко, что приближались к лагерям; именно по этой причине наши лагеря расположены в 60 километрах от границы; мы должны работать с неправительственными организациями над отысканием воды. Это очень сложно и это маленькие лагеря. Мы можем разместить около шести или семи тысяч человек, а затем мы должны перемещаться в другое место и расширять лагеря. Это то, чем мы занимаемся. Существует ли проблема продовольствия? Да, но я бы не сказал, что она критическая. Мировая продовольственная программа делает все от нее зависящее, для предоставления питания. Я бы не относил это к основным проблемам. Что касается сезона дождей, то мы усиленно работаем над этой проблемой. У нас были планы разместить 60 или 65 тысяч человек до наступления сезона дождей. Я полагаю, мы этого достигли. Были еще вопросы, но на этом я прекращаю тему Дарфура в Судане.

Сейчас я перейду к тем другим, кто задавал вопросы. Сейчас я перехожу к замечаниям и вопросам от имени Анголы,касающихся обеспокоенности,вызванной безопасностью, с чем я полностью согласен, поскольку это были две основные темы в моем брифинге. Я скажу несколько слов о сотрудничестве УВКДБ в рамках Организации Объединенных Наций. Я бы сказал, что оно осуществляется успешно: сегодня я приводил примеры весьма тесного сотрудничества, в особенности с Департаментом по операциям по поддержанию мира. То же касается и Департамента по политическим вопросам. Я бы сказал, что мы я по вопросам развития, поскольку мы работаем с Яном Эгеланном в гуманитарной группе. По большому счету это очень плодотворное сотрудничество.

Безусловно, у нас есть специфические проблемы. Я уже охарактеризовал проблемы, связанные с беженцами; есть и другие, касающиеся перемещенных лиц. Вкратце, мы, как УВКДБ, работаем с ними только на выборочной основе, когда система от нас этого требует. Конечно, для этого нам нужен потенциал. В этом отношении Дарфур представляется интересным примером: мы начинали работу только с беженцами, сейчас нас спрашивают, можем ли мы сделать что-то в Дарфуре, потому что Орга

низация Объединенных Наций не может обойтись без нас. Поэтому я напрягаю мои возможности и стараюсь что-то сделать.

Более постоянная проблема,касающаяся перемещенных лиц, существует в местах их возвращения. Наш опыт показывает, что когда дело касается репатриации и мест возвращения, невозможно разделить беженцев и перемещенных лиц, поскольку и те, и другие прибывают в места возвращения. Поэтому нам нужно запланированное возвращение и запланированная реинтеграция, возможно, вместе с остальными. С местным населением я стараюсь обеспечивать возврат беженцев и перемещенных лиц. В этом плане мы находимся на середине пути к решению проблемы. Я считаю, мы довольно успешно осуществили это в Афганистане. Я сообщал о подобных шагах в Сьерра-Леоне, и мы осуществляем это в Шри-Ланке. Заниматься перемещенными лицами не противоречит нашей работе. Напротив, мы должны заниматься ими и делать это эффективно. Тем не менее, в формальном отношении я делаю это, когда мне дают указание. Координатор по гуманитарным вопросам должен вполне официально просить УВКДБ заняться возвращающимися перемещенными лицами. Он информирует г-на Эгеланна из Управления по координации гуманитарной деятельности (УКГД) о своем плане, и после этого я говорю «Хорошо, я могу это сделать».

Многие ораторы говорили о финансовой поддержке. Как правильно заметили Председатель и другие выступавшие, мы постоянно ведем нелегкую борьбу за финансовые ресурсы. Конечно, подчас нам очень трудно понять, почему другие подразделения получают начисленные взносы, тогда как мы должны то и дело застенчиво просить о добровольных взносах. У меня нет хорошего ответа на этот вопрос. Я не могу обращаться с призывом, который не вписывается в рамки первоначальной идеи Организации Объединенных Наций 50-летней давности о том, что мы должны финансироваться в основном за счет добровольных взносов.

В этой связи я могу остановиться только на двух моментах. Во-первых, как минимум основной персонал УВКБ, который в соответствии с положением нашего Статута, принятого 50 лет назад, должен был финансироваться из регулярного бюджета, должен финансироваться из регулярного бюджета, чего не происходит. Во-вторых, страны с развитой экономикой, которые считают своей обязанностью помогать развивающимся странам путем предоставления средств на помощь в целях развития, должны понимать, что было бы оптимальным тратить определенную сумму на решение проблем перемещенных лиц. Это преследует не только гуманитарные цели в интересах этих людей; это также тесно связано с обеспечением большей безопасности, сокращением преступности и снижением показателей торговли людьми в мире.

Уделение приоритетного внимания этим измерениям имеет очень важное значение с точки зрения обеспечения устойчивого развития. И, как хорошо известно членам Совета, после Международной конференции по финансированию развития, состоявшейся в Монтеррее, хотя бы на бумаге появилась большая возможность добиться лучших результатов, наладить партнерство между Севером и Югом — между богатыми странами и развивающимся миром. Мой тезис сводится к тому, что эти действия будут успешными лишь в том случае, если мы решим проблему стран, которые стараются оставаться в стороне, и это не потому, что УВКБ не может решить эту проблему. Само УВКБ не имеет ни доллара; мы должны обращаться за деньгами к странам. Так что страны должны планировать свои бюджеты таким образом, чтобы закладывать в них средства не только на случай гуманитарных чрезвычайных ситуаций, но и для обеспечения долгосрочных решений. И здесь, как я уже пытался объяснить, все сходится.

Теперь я перейду к замечаниям представителя Франции, который говорил о Западной Африке. Буду краток. Я был там совсем недавно и обращался с призывами; я даже принял определенное участие в планировании мероприятия, намеченного на 20 мая и посвященного государствам, входящим в Союз стран бассейна реки Мано. Я просил их включить в свою повестку дня вопрос о трансграничной демилитаризации, касающейся как людей, так и оружия. Для этого три операции по поддержанию мира должны учиться друг у друга и работать сообща. Речь идет не только о людях; речь идет также о совместных усилиях по обнаружению оружия, большое количество которого до сих пор там имеется.

Второе мое замечание касалось того, что, возможно, для членов Союза стран бассейна реки Мано было бы полезно работать не только в этой плоскости, но и в так называемом политическом измерении. В частности, если африканец живет в Гвинее

10 лет, то он имеет право на гражданство; он считается гвинейцем. В Сьерра-Леоне и в Либерии человек может получить гражданство уже через пять лет. Было бы благословением для Кот-д'Ивуара, — а значит и для всего бассейна реки Мано, — если бы главы государств этого региона согласились с тем, чтобы это стало прочной традицией, законом для всего региона бассейна реки Мано. Тогда не возникало бы опасности, что людям не разрешат участвовать в выборах или быть избранными.

Такая инициатива, с которой при желании могли бы выступить главы государств Союза стран бассейна реки Мано, получила бы, возможно, больший отклик, чем просьба международного сообщества или Брюсселя, не говоря уже о Париже. Лучше, если сами эти страны придут к выводу, что это очень важная традиция в этой части Африки — ассимилировать в качестве своих граждан по прошествии относительно короткого периода времени тех африканцев, которые приехали в эти страны.

Представитель Франции задал также вопрос о Дарфуре, который касался предположительных цифр. Мы с самого начала говорили о том, что — и я говорю об этом на основе нашего опыта проведения интервью с людьми и встреч с людьми — речь идет о приблизительно 100 000 случаев. Поскольку я беседовал с французскими дипломатами там, я знаю, что, по их оценкам, эти цифры были меньше. Мы обсуждали это: как это могло получиться? Они сказали, что в расчеты были включены кочевники, которые появляются то по одну, то по другую сторону границы. Верно также, что группы людей перемешиваются. Поэтому, хотя мы и сказали, что сможем обустроить 60 000 из 100 000 человек, теоретически, возможно, мы оказали помощь всем, ибо, по нашим подсчетам, много людей пересекают границу, чтобы навестить свои семьи, но при этом они не являются фактически беженцами; лишь технически они будут считаться беженцами. Такова была наша идея.

Произошло два изменения. Во-первых, сам приграничный район становится все менее безопасным, в том числе для проживающих там семей, и поэтому, возможно, существует необходимость разместить большее количество людей, пересекающих границу. Во-вторых, мы вовсе не исключаем возможности того, что людей будет еще больше. Разумеется, это будет зависеть от эффективности усилий по соблюдению прекращения огня, — вернее, не столько от самого прекращения огня, сколько от веры в то, что оно положит конец нарушениям прав человека там. Если прекращение огня соблюдается, но на местах по-прежнему имеют место нарушения прав человека, и люди думают, что такие нарушения будут продолжаться и завтра, то они воспользуются последними днями, неделями и месяцами, чтобы бежать. Поэтому на данный момент мы должны готовиться к большему числу беженцев.

Представитель Румынии и другие просили прокомментировать расхождения в цифрах от одного миллиона до двух миллионов. У меня нет ответа на этот вопрос; меня там не было. Мы беседовали с беженцами; мы знаем, что все это ужасно. Какое-то время назад мы сказали, что речь идет о миллионе; но я не могу исключать возможность того, что эта цифра намного больше. Я просто не знаю. Так что спросите кого-то другого.

Коротко остановлюсь на Косово. После недавних событий положение там серьезно ухудшилось. Мы продолжаем нашу работу; она изнуряет. УВКБ добилось действительно больших успехов в бывшей Югославии за одним только исключением — Косово. Я намерен переговорить с г-ном Холкери о том, есть ли какие-то другие пути продвижения вперед, ибо нам действительно надо серьезно подумать о том, как быть дальше. Так что вкратце скажу, что мы свои задачи решаем. Но возможности для возвращения людей ограничены, и я не вижу особых перспектив на этот счет. Поэтому нам вновь следует подумать об этом. Думаю, что риторика — люди должны сделать это или то — вряд ли очень поможет; возможно, мы должны подыскать более практические меры и попробовать найти какой-то иной подход. Возможно, в следующий раз я смогу подробнее рассказать Совету об этом.

Я уже говорил о трансграничных вопросах.

В ответ на замечание представителя Германии, который говорил о миллионных суммах, предоставляемых Управлением по координации гуманитарной деятельности, скажу, что я не могу это отрицать, но не могу и подтвердить.

Меня просили сказать еще несколько слов о положении в области безопасности в конкретных странах. Попытаюсь сделать это.

Я начну освещать этот вопрос с точки зрения УВКБ. УВКБ, начиная со времени моей предшест

венницы на этом посту, г-жи Огаты, значительно повысило безопасность. Как мы этого добились? Путем подготовки людей — обучения их тому, как следует себя вести. Во-вторых, посредством технической связи. Сотрудники всегда должны сообщать каждые 20 минут, где они находятся, и так далее. В-третьих, мы обучили людей поддерживать контакт со всеми заинтересованными сторонами в конкретном районе, собираться вместе и анализировать ситуацию. Может существовать недопонимание или могут иметься некие элементы, о которых может быть хорошо известно, но которых не могут контролировать даже те, кому принадлежит власть на местах. Мы существенно улучшили этот аспект.

Я склонен считать, что мы стали очень профессиональной организацией в области безопасности. Мы глубоко уверены в своей безопасности, и действуем безопасным образом. У нас вызывает некоторую озабоченность межучрежденческий аспект этого вопроса. Это началось с Управления Организации Объединенных Наций по вопросам безопасности (УКООНВБ). Мы поддерживаем УКООНВБ. УКООНВБ сближает специализированные учреждения, так что по каждой стране у нас имеется группа Организации Объединенных Наций по безопасности. Хорошо, когда на местах имеются сотрудники УКООНВБ. Тогда дело идет хорошо. Когда дело идет плохо — если это превращается в структуру, которая занимается только подготовкой документов, направлением отчетов в центральные учреждения, с последующей выработкой центральными учреждениями стратегии работы в той или иной стране, — тогда нельзя добиться никаких результатов.

Совместно с Миссией Организации Объединенных Наций по содействию Афганистану (МООНСА) мы провели исследование, и пришли к выводу, что у нас — не только у УВКБ — работает в Афганистане высокопрофессиональная структура, использующая опыт и знания неправительственных организаций. Мы настоятельно призвали других воспользоваться этим опытом, как мы это делали в Сьерра-Леоне и как мы пытаемся делать это в Либерии и других странах, и с большой осторожностью относились к тому, что в Нью-Йорке имеется структура, которая считает, что она должна управлять ситуацией. Это может привести к понижению уровня безопасности, не только в результате того, что могут быть сделаны неверные выводы, — они всегда возможны — но и вследствие того, что происходит выхолащивание ответственности. Действительно, если кто-то скажет: «Безопасность — это не моя забота. У вас есть внешние эксперты, которые обеспечивают безопасность», это будет шагом назад.

Мы приложили столько усилий, для того, чтобы «работать в условиях безопасности», что — я подчеркиваю — этого мы не должны утратить. Я могу привести пример, который касается Ирака. Сегодня, когда местный персонал в Ираке остается дома по результатам анализа, который был подготовлен за пределами Ирака, это очень трудно объяснить местным сотрудникам, которые спрашивают, почему это происходит. Мы не можем на это ответить. Существуют обстоятельства, которые, как я сказал, мы должны принять во внимание. Может быть, мы стали слишком одержимы иракским опытом, и поэтому я сказал о том, что впоследствии мы придем к выводу, что зашли слишком далеко, когда предполагали, что люди, занимающиеся гуманитарной работой, не имеют никакого представления о безопасности. Я считаю, что мои сотрудники многое знают о безопасности, и ведут себя соответствующим образом. После Багдада мы услышали критику в адрес специализированных учреждений, которые действовали неправильно, имели больше сотрудников, чем было разрешено, и так далее. Что касается УВКБ, это просто не соответствует истине — и не только в этом регионе. Поэтому, как я считаю, нам пора зазвучать чуть громче, оценить позитивный опыт и использовать его.

С учетом всего сказанного, безопасность представляется мне настолько важной, является таким приоритетом, что достаточное финансирование на цели безопасности, а мы сейчас расходуем больше средств на безопасность, является ключевой задачей. Не только исходя из интересов наших сотрудников, но и из интересов проведения наших операций, важно и впредь считать обеспечение безопасности приоритетной задачей. Не поймите меня неправильно. Мне не нравится «ковбойский подход», но я и не люблю говорить «Давайте вообще не будем работать». Поэтому я привел пример крепости, так как я хочу дать Совету еще некоторые разъяснения.

Отвечая представителю Филиппин, позвольте мне сказать, что в лагерях существует система безопасности. Она начала действовать началось за

долго до того, как я начал работать, но мы ее значительно улучшили. Я упомянул одно условие: лагеря беженцев должны быть удалены от районов конфликтов. Это одно условие. Во-вторых, мы должны проверять людей и организовывать лагеря. Очень часто, наряду с правительством, которое мы приглашаем, в лагерях беженцев присутствуют организации, которые освобождают их от оружия. Это очень важно. В-третьих, мы не должны допускать чрезмерной защищенности, это приводит к ухудшению положения, молодых людей слишком привлекает возможность установить контакт с вооруженными группами. Таковы механизмы, которые мы создали, и мы, разумеется, пытаемся их улучшить.

Представитель Соединенных Штатов Америки спросил относительно Дарфура, и я благодарен ему за это любезное упоминание. Я выказал свои соображения, и не могу добавить что-то существенное. Мы, разумеется, старались провести подготовку в Чаде и спланировать все так, чтобы, если приток увеличится, мы смогли бы принять больше людей. Сейчас я должен сбалансировать мои возможности: буду ли я использовать резервные возможности, имеющиеся в Чаде, или я займусь дополнительной работой в Дарфуре? Вот что я хотел сказать по этому поводу.

Что касается вопроса, заданного представителем Алжира, я должен повторить то, о чем я сказал ранее, поскольку я считаю, что это основной момент не только в финансировании, но и в том, что касается решений. Сегодня недостаточно обращаться к странам с призывами уважать беженское право и не изгонять беженцев. Мы должны присовокупить принцип разделения ответственности, понять, что только многосторонние совместные усилия стран могут обеспечить постоянные решения и сократить беспорядочные вторичные потоки беженцев и опасность торговли людьми и преступлений. Это новая эра. Мы должны это сделать. Для этого существует специальный термин: мы называем это «Конвенция плюс». Это, я думаю, так же ключевой ответ на вопрос о финансовых измерениях. Еще раз повторяю, моя работа состоит в том, чтобы попытаться объяснить правительствам, что расходование средств на эти цели является не только гуманитарным жестом. Это по существу созидание более безопасного мира. В этом заключается суть.

Поэтому мы также не вправе позволить себе предать забвению некоторые кризисы, и не только с точки зрения голода или лишений. Я сказал бы, что в большинстве случаев средства массовой информации сообщат об этом. Понадобилось некоторое время, но сейчас поступили сообщения о Дафуре. Так что об этом известно, но проблема состоит в том, что, хотя более 100 000 жителей Бутана живут в Непале более десятилетия, люди спрашивают: «Разве там есть беженцы?» Они о них никогда не слышали. Существует большая опасность, и она превращается в политическую проблему, если мы не можем найти решения проблемы забытой группы беженцев. И это всего лишь один пример. Мы постараемся над этим работать.

Я с удовольствием перехожу к Вашим вопросам, г-н Председатель. Я пытался ответить на вопрос о долевых взносах, с одной стороны, и о гуманитарной проблеме, с другой стороны. Затем меня попросили, в связи с проблемой Афганистана, осветить роль тройственного соглашения. Да, мы пытались выполнить намеченный план. Разумеется, он начинается с тройственного соглашения. В этом году мы вновь попытались вернуть домой из Пакистана около 500 000 беженцев, но мы хотим, в первую очередь, осуществить возвращение из новых лагерей, поскольку как раз в так называемых новых лагерях мы видим угрозу в области безопасности. Это лагеря, расположенные рядом с границей в районах проживания племен. Мы рассматриваем это, как часть тройственного соглашения, и мы проводим консультации с правительством о том, как это сделать. Это невозможно сделать за один день, но надо стремиться это осуществить.

Исходя из этого, мы обратимся к другим приоритетам. Не секрет, что правительство Пакистана преследует амбициозную цель обеспечить значительный процесс возвращения также из городов. Это сейчас и происходит. Для нас это процесс добровольный, обеспечивающий возможности. Разумеется, есть ряд приоритетов. В городах беженцы порой рассматриваются как реальная проблема, однако в других ситуациях, в меньшей степени. Такова часть реальности. Я уже подчеркнул, что, с моей точки зрения, создание новых лагерей является главным приоритетом. Однако нам, возможно, придется заниматься и тем, и другим. Тогда мы достигнем наших цифровых показателей. Тогда мы увидим, в каком направлении нам предстоит идти дальше.

В Иране, как и в Пакистане, в определенный момент нам придется заняться афганцами, которые живут там уже довольно долго и которые стали весьма продуктивными. Сокращение объема помощи становится своего рода испытанием, поскольку людям, не получающим помощи, приходится действительно делать выбор в вопросе о том, как заработать на жизнь: либо вернуться домой, либо уже определиться с работой в этих странах, иметь там свой доход, род занятий, причем некоторые имеют там даже свой бизнес. Таким образом, я вижу, что, когда мы постепенно приближаемся к завершению сроков действия трехстороннего соглашения, — и я уже обсуждал это с обоими правительствами, — нам приходится определять, в какой степени афганцы, живущие там, продолжают оставаться бременем для страны и когда мы можем постепенно перейти к обсуждению вопроса о временных рабочих-мигрантах. В определенной степени мы признаем это, соблюдая в то же время положения трехстороннего соглашения.

Наконец, что касается выборов, то я, как Верховный комиссар по делам беженцев, от всей души приветствую, когда люди, о которых я забочусь, могут участвовать в выборах. Поэтому есть мотивация для участия в этом процессе. Как сотрудник Организации Объединенных Наций, я питаю уважение к особым знаниям и опыту сотрудников структуры Миссии Организации Объединенных Наций по содействию Афганистану (МООНСА). ООН направила людей и средства на места для работы с этой целью. Я откровенно говорил об этом в Исламабаде и заявил, что я позитивно отношусь к участию, однако следует уважать роль структуры МООНСА, организующей выборы, которая выступает со стороны Организации Объединенных Наций. УВКБ не может заниматься организацией выборов. Речь идет об оказании нами помощи и содействия процессу.

Еще один аспект заключается в том, что после завершения процесса выборов мы останемся там вместе с правительством, многими афганцами в Пакистане. Нам, вероятно, предстоит провести аналитическую работу, касающуюся положения афганцев, о которых идет речь, не только с точки зрения их численности, но и того, что мы называем «профилированием» людей, с тем чтобы определить, как помочь в процессе репатриации этих людей по прошествии многих лет и в какой степени и как долго они будут временными рабочими-мигрантами. Невозможно заниматься этим наспех до проведения выборов. Поэтому есть два этапа во всем этом процессе.

Я опасаюсь, что выступаю уже очень долго. Несомненно, что я люблю свою работу. Однако, вероятно, будет лучше, если я на этом остановлюсь.

Председатель (*говорит по-английски*): Я благодарю Верховного комиссара по делам беженцев г-на Рууда Любберса за его комментарии и разъяснения, а также благодарю его за ответы на все вопросы и замечания членов Совета.

В моем списке больше нет ораторов. Совет Безопасности завершает на этом нынешний этап рассмотрения данного пункта своей повестки дня.

Заседание закрывается в 12 ч. 15 м.